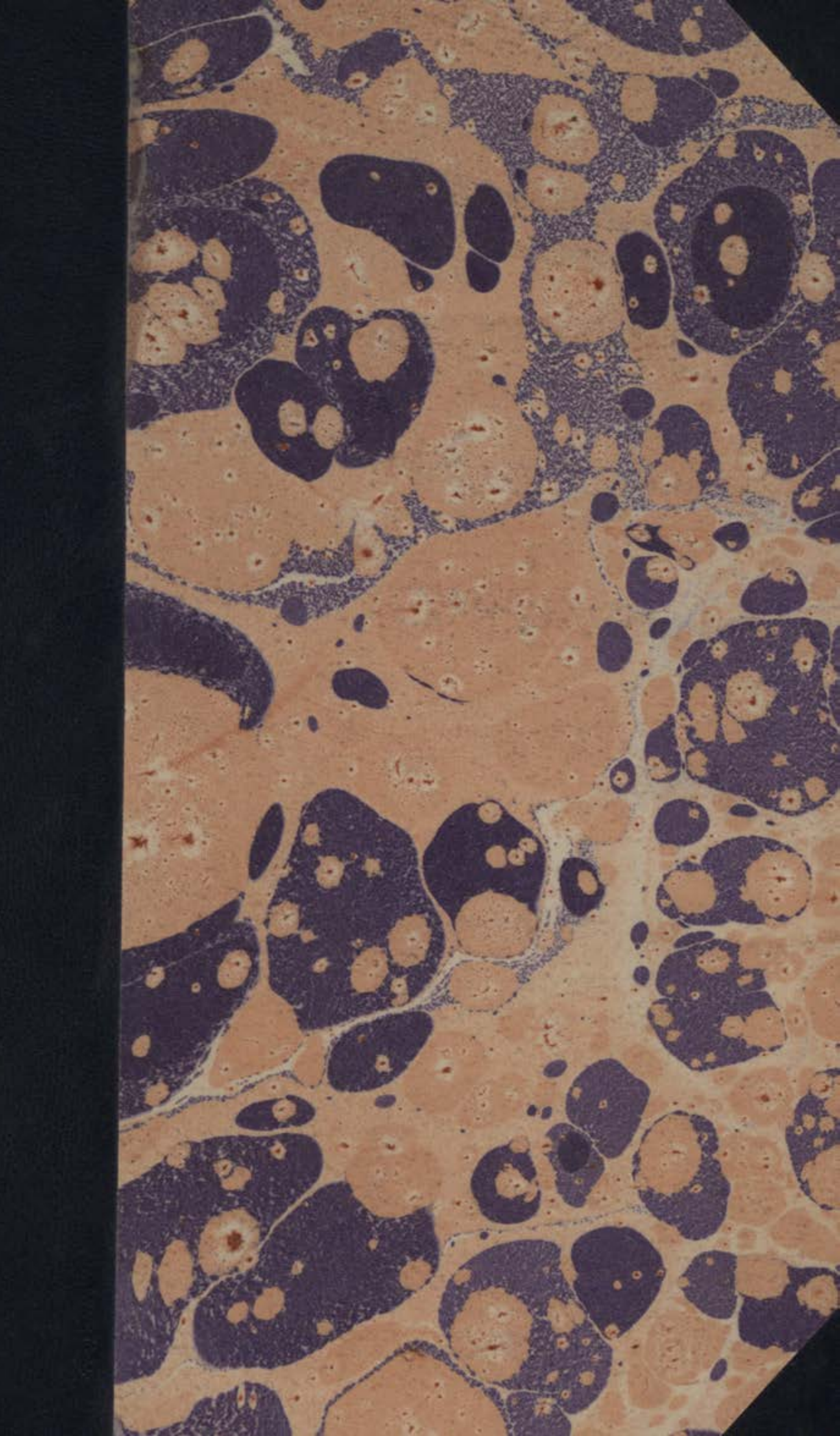
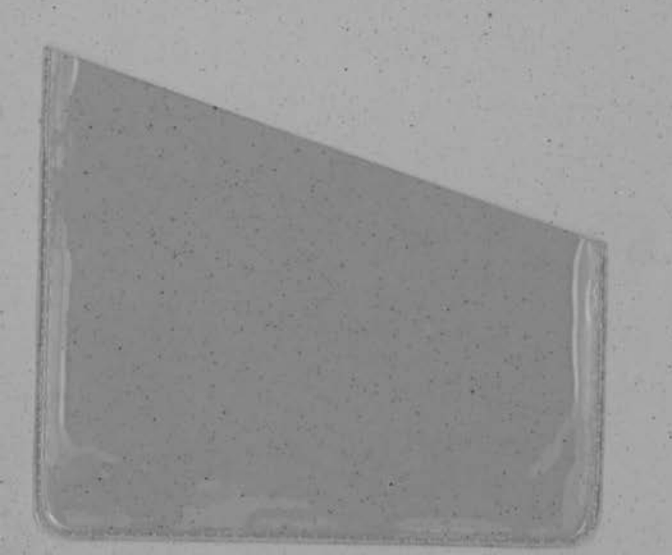

АКТЪ,

БЫВШІЙ

ВЪ

УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ

БЛАГОРОДНОМЪ

ПАНСІОНѢ,

Ноября 14 дня, 1798 года.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи.

1798 Года, Ноября 14 дня, въ 10 часовъ утра, въ *Университетскомъ Благородномъ Пансiонѣ* совершено освященiе новопостроеннаго каменнаго флигеля; а въ 6 часовъ по полудни былъ *Актъ*, въ которомъ происходило слѣдующее:

Когда прибыли въ новую залу Господа Кураторы Университета, Ихъ Превосходительства, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайла Матвѣевичь Херасковъ и Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Павелъ Ивановичь Кутузовъ, со многими знаменитыми Особами, обоего пола, удостоившими училище сiе своимъ посѣщенiемъ: то дѣйствiе началось музыкою. Потомъ двое изъ старшихъ Воспитанниковъ, подошедъ, вмѣстѣ съ Главнымъ Смотрителемъ Пансiона, къ Его Превосходительству Директору Университета, говорили именемъ всѣхъ своихъ товарищей:

„Что они, чувствуя всю цѣну и важ-„ность попеченiя о себѣ незабвенныхъ „своихъ Начальниковъ, желаютъ въ за-„свидѣтельствованiе чувствительнѣйшей „благодарности, поставить въ новой за-„лѣ своей *портреты Господъ Кураторовъ* „Университета, Его Высокопревосходи-„тельства *Ивана Ивановича Шувалова* и Ихъ „Превосходительствъ *Ивана Ивановича Ме-„лиссино* и *Михайлы Матвѣевича Хераскова*:

„чтобы такимъ образомъ изображенія сіи, „будучи всегда предъ глазами Воспитанниковъ, напоминали имъ, сколько они „обязаны благотворнымъ своимъ Меценатамъ, и возбуждали въ нихъ ревность „послѣдовать примѣру сихъ знаменитыхъ „Мужей, отличившихся любовію къ отечеству, къ наукамъ, къ добру; — и для „того просятъ, чтобы позволено имъ было удовлетворить толь пріятной для „юныхъ сердецъ ихъ обязанности." —

Господинъ Директоръ, принявъ съ чувствомъ сердечнаго удовольствія таковую признательность и прозьбу благородныхъ Воспитанниковъ, и изъяснивъ содержаніе оной присутствовавшему старшему Г. Куратору, Михайлѣ Матвѣевичу Хераскову, отвѣтствовалъ, что онъ, именемъ его, смѣетъ дать имъ требуемое позволеніе. Тутъ трое другихъ, также отличныхъ по своимъ поступкамъ и прилѣжанію Воспитанниковъ, поставили портреты на опредѣленныя мѣста и подошедъ къ Начальникамъ, благодарили за сдѣланную имъ честь. Зрѣлищемъ симъ живо тронуты были Посѣтители; а Господинъ Кураторъ Михайла Матвѣевичъ Херасковъ изъявилъ отмѣнное свое удовольствіе и сердечно благодарилъ Питомцевъ, которые толь торжественно доказали, что чувства ихъ прямо благородны. Онъ говорилъ:

„Что предметомъ нѣжнѣйшихъ его „попеченій всегда была польза Питом„цевъ; что онъ ничего такъ не желаетъ, „какъ видѣть ихъ возрастающими въ „добродѣтели и просвѣщеніи, и что онъ „весьма почтетъ себя щастливымъ, есть„ли попеченія его не останутся тщет„ны."

Непосредственно за симъ произнесены и розданы *Стихи къ портретамъ*, сочиненные однимъ изъ Воспитанниковъ (N0 1); также розданы *Надписи къ портретамъ* сочинившимъ ихъ прежнимъ Воспитанникомъ Пансіона *Петромъ Кайсаровымъ* (N0 2). Потомъ снова началась музыка, и Посѣтители угощаемы были приличнымъ образомъ.

Воспитанники Благороднаго Пансіона, по установленному отъ Господъ Начальствующихъ обычаю, дѣлаютъ ежегодно между собою выборъ *лутшихъ*; и тѣ изъ нихъ, кои отличились примѣрнымъ благонравіемъ и прилѣжностію въ наукахъ, получаютъ титло *Первыхъ*. Тутъ же избираютъ они *Директоровъ* и *Секретаря* для своихъ забавъ. Выборъ сей дѣлается обыкновенно при началѣ зимы, и рѣшится *большинствомъ* голосовъ. Это есть родъ торжества, *благонравію* посвященнаго, которое Воспитанники праздну-

ютъ съ нѣкоторыми обрядами. Нынѣшній годъ, 14 Ноября было къ тому назначено. Въ слѣдствіе чего, по окончаніи музыки, Главный Смотритель Пансіона представилъ Начальникамъ прежде тѣхъ Воспитанниковъ, кои избраны *Директорами* забавъ, и прочиталъ имъ наставленіе (N0 3); а потомъ и тѣхъ, кои заслужили титло *Первыхъ* въ благонравіи и прилѣжаніи, также и *Секретаря*; и когда прочитано было симъ послѣднимъ наставленіе (N0 4), то Г. *Лихачевъ*, одинъ изъ младшихъ Воспитанниковъ, привѣтствовалъ ихъ краткою рѣчью (N0 5), на которую Г. *Костомаровъ*, старшій изъ удостоенныхъ первенства, отвѣчалъ въ немногихъ словахъ, и благодарилъ товарищей своихъ за сдѣланную имъ честь (N0 6); потомъ Г. *Жуковскій*, также старшій изъ числа *первыхъ*, читалъ сочиненную имъ рѣчь, приличную сему случаю (N0 7). — Тутъ слѣдовали танцы; а потомъ Воспитанникъ *Ладо-Ладомирскій* игралъ концертъ на скрыпкѣ, и заслужилъ всеобщую похвалу и одобреніе. Напослѣдокъ Питомцы на разныхъ языкахъ произносили стихи: Г. *Тургеневъ* — *Нѣмецкіе*, подъ заглавіемъ: die Hoffnung, изъ сочиненій Г. Коцебу; Г. *Порошинъ* — *Французскіе*: Pſaume CXLIV, изъ сочиненій Г. Малгерба; а Гг. *Небольсинъ* и *Мятневъ* — *Рускіе*, первый подъ заглаві-

емъ: *Добродѣтель*, сочиненіе Михайлы Матвѣевича Хераскова, а второй *стихи* Г. Дмитріева *на случай оказанной Высокомонаршей милости потомкамъ Ломоносова.* Въ заключеніе слѣдовала опять музыка и танцы.

Какъ Посѣтители, такъ особливо Гг. Начальники были отмѣнно довольны, и Г. Кураторъ Михайла Матвѣевичь Херасковъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ благоволеніе свое и благодарность прежде Г. *Директору* Университета, а потомъ и *Главному Смотрителю* Пансіона, присовокупивъ къ тому:

„Что ему крайне пріятно видѣть „такой порядокъ и устройство въ Благо„родномъ Пансіонѣ, и такіе успѣхи Вос„питанниковъ; что онъ никогда не ожи„далъ, чтобы сіе заведеніе его, которое „въ началѣ своемъ было такъ малозна„чуще, могло приведено быть въ такое „состояніе; *и прочее, и прочее.*"

Непосредственно за именами тѣхъ, кои удостоены первенства въ каждомъ возрастѣ, прочитаны имена и слѣдующихъ Воспитанниковъ, какъ такихъ, кои заслуживаютъ второе по нихъ мѣсто отличнымъ благонравіемъ и прилѣжаніемъ.

Въ большомъ возрастѣ.

1 *Николай Пафнутьевъ*, 2 *Александръ Офросимовъ*, 3 *Василій Поляковъ*, 4 *Александръ Тургеневъ*, 5 *Илья Дубовикъ*, 6 *Іасонъ Храловицкій.*

Въ среднемъ:

1 *Петръ Лихачевъ*, 2 *Лука Дьяковъ*, 3 *Николай Аргамаковъ*, 4 *Борисъ Замятинъ*, 5 *Николай Неболсинъ*, 6 *Сергѣй Фонъ-Визинъ*, 7 *Григорій Мятневъ*, 8 *Князь Семенъ Урусовъ.*

Въ меньшомъ:

1 *Иванъ Петинъ*, 2 *Василій Новиковъ*, 3 *Петръ Ольговъ*, 4 *Иванъ Рамейковъ*, 5 *Александръ Соболевскій*, 6 *Павелъ Ханенко*, 7 *Иванъ Сахаровъ*, 8 *Иванъ Лазаревъ*, 9 *Александръ Лазаревъ*, 10 *Андрей Офросимовъ.*

N° 1.

Шувалов! нѣтъ Тебя: Ты въ вѣчность пре-селился;
Но пламень въ насъ любви къ Тебѣ не погасился.
Отрадой страждущихъ, покровомъ Музъ Ты былъ,
И храмъ въ Россіи ихъ воздвигнулъ, утвердилъ.
Твой духъ живетъ въ дѣлахъ — и вѣки отдаленны
Сплетутъ за доблести Тебѣ вѣнецъ нетлѣнный.
Увы! я зрю, Сатурнъ съ ужасною косой
Стремится памятникъ разрушить твердый Твой. . .

Но чтожъ! — взмахнулъ косой — ударилъ — сокрушилась,
И мышца крѣпкая впервые утомилась.
О Кронъ! ты въ свѣтѣ семъ все можешь истребить;
Лишь блеску дѣлъ благихъ не силенъ помрачить. — —

И Ты, *Мелиссино*! и Ты отъ насъ сокрылся!
И Твой намъ милый прахъ слезою окропился,
Слезою истинной признательной любви!
Но имя, но дѣла забудутсяль Твои?
Ты былъ рачительный Начальникъ, Попечитель;
И другъ нашъ, и отецъ, и Геній нашъ хранитель.

Потеря слезная! . . . Нашъ скорбный духъ томился:
Парнассъ Московскій двухъ Предстателей лишился;
Но тяжкій сей уронъ Гомеръ нашъ замѣнилъ:
Херасковъ! Ты въ себѣ ихъ обоихъ вмѣстилъ;
Въ Твоей къ намъ нѣжности, въ Твоемъ о насъ раченьи,
Живутъ Мелиссино, Шуваловъ незабвенны;
Въ Тебѣ присутствуетъ и духъ, и сила ихъ.
Фебъ дивныхъ таинствъ ключь Тебѣ вручилъ своихъ;
Ты *Россіядою* стяжалъ вѣнецъ нетлѣнный,
Владиміромъ вовѣкъ пребудешь незабвенный. —
О Мужи славные! Вашъ образъ въ сихъ чертахъ;
Но добродѣтели — здѣсь, здѣсь, у насъ въ сердцахъ!

Семенъ Родзянка.

№ 2.

I.

Другъ человѣчества, примѣръ великихъ душъ;
Вельможа, Меценатъ, любимый всѣми Мужъ,
Россіи вѣрный сынъ, кѣмъ Музы оживленны,
Кѣмъ созданъ храмъ наукъ, *Шувалов* незабвенный.

II.

Другъ Музъ, *Мелиссино*, съ чувствительной душею,
Любезнымъ, добрымъ быть, чтилъ должностью своею,
Для пользы общества, для ближняго онъ жилъ,
И щастливымъ творя, себя щастливымъ чтилъ.

III.

Чѣмъ Греція славна и чѣмъ гордился Римъ:
Мароновъ, Пиндаровъ въ *Херасковѣ* мы зримъ;
Онъ лирой, какъ Гомеръ, своей насъ восхищаетъ,
И лавръ нетлѣнный съ нимъ безсмертья раздѣляетъ.

Петръ Кайсаровъ.

№ 3.

Отъ Надворнаго Совѣтника, Профессора и Главнаго Смотрителя Университетскаго Благороднаго Пансіона, Прокоповича - Антонскаго,

Воспитанникамъ Директорамъ концертовъ и другихъ забавъ, первымъ: *Сергѣю Костомарову, Василью Жуковскому, Константину Остромову, Степану Порошину*; и вторымъ

по нихъ: *Павлу Собакину*, *Князю Григорїю Гагарину* и *Александру Хвостову*.

При всѣхъ увеселенiяхъ Пансiонскихъ, какъ то *въ концертахъ*, *спектакляхъ*, *маскерадахъ*, и проч. соблюдать вамъ:

I. Чтобы строго наблюдаемъ былъ въ то время надлежащiй порядокъ, вѣжливость, тишина и во всемъ благопристойность, и чтобъ вы товарищески прекращали между собою встрѣчающiяся неприятности, дабы Надзиратели, противъ воли своей, не были принуждены разбиранiемъ ихъ прерывать ваши забавы.

II. При пробѣ стиховъ, разговоровъ театральныхъ пiесъ, не пускать никого въ театръ, или въ ту комнату, которая для того назначена будетъ, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, и тѣхъ, кои нужны для услуги.

III. Гг. Пансiонеры должны одѣваться въ маскерадныя платья, каждой въ своей комнатѣ, и употреблять въ то время однихъ слугъ казенныхъ, опредѣленныхъ къ тѣмъ комнатамъ.

IV. Располагаясь имѣть маскерадъ, спектакль, или другую какую забаву, давать знать мнѣ о томъ завременно.

V. При каждомъ такомъ собранiи должны быть на караулѣ у входа въ залу по два или больше изъ тѣхъ Пансiоне-

6

ровъ, которые учатся военной экзерциціи; — а для большаго порядка одному изъ васъ надлежитъ имѣть особое смотрѣніе какъ надъ тѣми часовыми, такъ и надъ всею корпусною командою, которую онъ завременно къ тому наряжаетъ, и которая обо всемъ по своей части къ нему должна относиться.

VI. Чтобы въ маскерадѣ всѣ были маскированы благопристойно, не обезображивали ничѣмъ лицъ, и проч., также при танцахъ не дѣлали бы никакихъ коверканій, неприличныхъ благороднымъ Воспитанникамъ.

VII. Признанныхъ за совершенно неисправныхъ въ ученіи и поступкахъ, не допускать къ вашимъ забавамъ, давая имъ чрезъ то разумѣть, что безъ труда никто не достоинъ имѣть ни удовольствія ни награды; и таковыхъ отдѣливъ въ особливую комнату, поручать на то время смотрѣнію дежурнаго Надзирателя.

VIII. Постороннихъ не иначе допускать въ ваши собранія, какъ съ билетами, за подписаніемъ одного изъ васъ и за моею печатью; и билеты такіе, отсылая, записывать, кому именно, дабы такимъ образомъ избѣжать посѣщенія совсѣмъ незнакомыхъ намъ людей.

IX. *Семенъ Родзянка*, избранный *Товарищемъ лучшихъ*, назначается также *Секретаремъ при забавахъ вашихъ*. Должность его вести *журналъ* всему тому, что примѣчательнаго произойдетъ въ вашихъ собраніяхъ. Онъ долженъ, на примѣръ, записать (въ нарочно сдѣланной для того книгѣ, скрѣпленной моею рукою): кто говорилъ рѣчь, или читалъ другое какое сочиненіе, и о чемъ; кто произносилъ стихи, подъ какимъ заглавіемъ, и чьего сочиненія; какой читанъ былъ разговоръ; какая представлена театральная піеса и кто были дѣйствующія лица; кто игралъ концертъ, и тому подобное; также имена знатнѣйшихъ Посѣтителей.

X. Все сіе возлагаю на васъ, по сдѣланному отъ всѣхъ вашихъ товарищей выбору, утвержденному согласіемъ и одобреніемъ Господъ Начальствующихъ, увѣренъ будучи, что вы по своей къ тому способности и благоразумію не только исполните все, здѣсь предписанное, но и не оставите ничего, что можетъ служить къ лучшему порядку въ вашихъ забавахъ; дабы такимъ образомъ и самыя увеселенія ваши были всегда соединены съ вашею пользою.

№ 4.

От Надворнаго Совѣтника, Профессора и Главнаго Смотрителя Университетскаго Благороднаго Пансіона Прокоповича-Антонскаго.

Воспитанникам: *Сергѣю Костомарову* и *Василію Жуковскому.*

Безпристрастный суд, основанный на большинствѣ голосов всѣх Питомцев, и одобреніе сего от Вышших признало: 1) *в большом возрастѣ* Вас лучшими в ученіи и поведеніи; 2) *в среднем возрастѣ*: Константина Кириченку-Остромова и Степана Порошина; 3) *в меньшом*: Алексѣя Вельяминова и Степана Вольховскаго. В слѣдствіе чего:

I. Вы одни имѣете отселѣ право носить, каждой в своем возрастѣ, имя *Первых* Воспитанников. Старшіе из вас между всѣми товарищами вообще, а младшіе особо в своем возрастѣ получают во всем первенство и отличіе.

II. Титло сіе принадлежит вам чрез цѣлой год до новаго выбору; и тогда опять будет зависѣть от общаго избранія и одобренія Господ Начальников, кому дать оное, вам ли, или другим из сверстников.

III. Долг ваш: *первое*, отличным поведеніем, благонравіем, прилѣжно-

стію и успѣхами въ наукахъ сохранять такое достоинство, и быть примѣромъ во всемъ добромъ, какъ для другихъ воспитанниковъ своего возраста, такъ и вообще для всѣхъ своихъ товарищей: — *второе*, всевозможно внушать имъ духъ покорности и почтенія не только къ Наставникамъ своимъ и Попечителямъ, но и къ старшимъ по лѣтамъ и ученію товарищамъ своимъ, дабы съ самыхъ юныхъ лѣтъ научались они уважать заслуги, и симъ уваженіемъ поощряли другъ друга къ прямо благородному поведенію и отличнымъ успѣхамъ: — *третіе*, въ комнатномъ обращеніи Воспитанниковъ, въ разговорахъ ихъ, играхъ и проч. отвращать всякіе пересуды и умничанья, всякія и самомалѣйшія непристойности въ словахъ и поступкахъ, повреждающія невинность нравовъ: — *четвертое*, естьли въ семъ послѣднемъ случаѣ окажется какое упорство, то каждый изъ лучшихъ среднихъ и меньшихъ даетъ вамъ тихонько знать о такомъ своемъ сверстникѣ; естьлижь и вы не успѣете исправить его, то по долгу и совѣсти своей, безъ всякаго нареканія какой-либо клеветы, вы объявите уже особо мнѣ, дабы я могъ принять нужныя мѣры и истребить зло въ самомъ его началѣ.

IV. Для вѣрнѣйшаго достиженія предназначенной вамъ цѣли, вы можете дѣлать между собою *дружескія постановленія*, которыя бы служили тщательно исполняющимъ долгъ свой Воспитанникамъ къ похвалѣ и одобренію, а виновнымъ въ предосторожность. На примѣръ: вы можете имѣть *двѣ особыя книги*, изъ которыхъ въ одной записывать отмѣнно хорошія свойства и прямо благородныя черты Воспитанниковъ; а въ другой такія, за коими слѣдуетъ стыдъ и нареканіе. Только въ семъ случаѣ должно поступать съ возможною осторожностію, и не иначе вносить такія дѣла въ книгу, какъ по зрѣломъ разсужденіи и по общему приговору всѣхъ тѣхъ, кои удостоены первенства въ каждомъ возрастѣ, и кои избраны Директорами забавъ, дабы въ толь важномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о нравахъ и поступкахъ чьихъ-либо, не могло дѣйствовать пристрастіе и личность. Для записыванія таковыхъ дѣлъ избранъ *Секретаремъ* и вмѣстѣ *товарищемъ вашимъ* Семенъ Родзянка, какъ отлично прилѣжный и благонравный Воспитанникъ.

V. Вы знаете, что молитва, съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ произносимая, производитъ надъ нами спасительное дѣйствіе и укореняетъ въ насъ страхъ Божій, который есть *начало истинныя мудрости*. И такъ вамъ ввѣ-

ряется драгоцѣннѣйшій залогъ, ввѣряется главное попеченіе, да произносится она всегда со вниманіемъ, съ чувствомъ, съ благоговѣніемъ. Для чтенія утреннихъ молитвъ, избирайте Питомцевъ среднихъ и меньшихъ, но только отличнѣйшихъ удостоивайте такого предпочтенія. Вечернія молитвы давайте лучшимъ, изъ старшаго возраста. Избранныя мѣста изъ *Священнаго Писанія* и изъ другихъ хорошихъ нравственныхъ книгъ, каковы: *Утреннія и вечернія размышленія о Божіемъ величествѣ, на каждый день года; Книга премудрости и добродѣтели*, и проч. читайте сами, или поручайте чтеніе сіе отличнѣйшимъ большимъ Питомцамъ. Все сіе послужитъ къ величайшей вашей пользѣ, къ назиданію вашего сердца.

VI. Имена ваши, какъ примѣрныхъ Воспитанниковъ, напечатанныя, прибиты будутъ въ столовой комнатѣ; чтобы такимъ образомъ, находясь всегда передъ глазами товарищей вашихъ, вамъ дѣлали честь; а имъ служили напоминаніемъ и возбуждали въ нихъ ревность заслужить отличіе.

VII. По такому почтительному для васъ званію, несомнѣнно предполагается, что вы *первыми* будете всегда въ должной покорности, и въ наблюденіи порядка сего училища. Я твердо надѣюсь, что вы будете свободны отъ вся-

каго взысканія; и потому себѣ одному предоставляю право, судить о вашихъ поступкахъ, и вообще о исполненіи вашего долга.

№ 5.

Когда на Олимпійскихъ играхъ, юный Подвижникъ, побѣдивъ своихъ противоборцевъ, предъ лицемъ безчисленнаго сонма зрителей, получалъ въ награду лавровый вѣнокъ, бывшій для него драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищь міра; тогда каждый отецъ, притекшій видѣть славу Греціи, указавъ сыну своему на вѣнчаннаго Атлета, говорилъ: *будь ему подобенъ*! и огнь ревнованія воспламенялъ чувствительную душу юноши.

Любезные товарищи!

Въ сіи торжественныя для насъ минуты, въ вожделѣнномъ присутствіи достопочтимыхъ нашихъ Начальниковъ, и знаменитыхъ Посѣтителей, когда вы, одержавъ надъ нами преимущество — не крѣпостію силъ, не проворствомъ и гибкостію тѣла; но отличными свойствами души вашей, примѣрнымъ поведеніемъ и прилѣжностію въ наукахъ — когда вы получаете отъ насъ не лавры скороувядаемые, но вѣчно-зеленѣющійся вѣнокъ

благонравія и невинносши — вЪ сіи священныя минушы, каждому изЪ насЪ собсшвенное сердце говоришЪ: *будь имЪ подобенЪ!*

Мы послушны гласу швоему, доброе сердце, и упошребимЪ всѣ силы свои, чшобы удовлешворишь шребованію шврему, одержашь нѣкогда шоль восхишишельную, ни сЪ чѣмЪ несравненную побѣду, и — будемЪ имЪ подобны. А вы, любезные шоварищи, получившіе шоль лесшное между нами первенсшво, вы не шолько не воздремлеше на пріобрѣшенныхЪ вами шрофеяхЪ, но еще получише новую бодросшь и усугубише сшремленіе свое ко всему полезному, изящному, благородному; будеше нѣжными нашими друзьями, и не пресшанеше руководсшвовашь насЪ кЪ добру своимЪ примѣромЪ, совѣшомЪ, насшавленіями.

№ 6.

Тишло *первыхЪ* между вами не можешЪ не бышь для насЪ весьма лесшно. Живо чувсшвуемЪ цѣну и важносшь сего ошличія. И есшьли Олимпійскіе Ашлешы шоль высоко сшавили свои лавры; шо сЪ чѣмЪ сравнимЪ мы шошЪ вѣнокЪ, кошораго вы насЪ удосшоиваеше? Примише чувсшвишельную нашу благодарносшь,

и вмѣстѣ искреннее признаніе, что полученнымъ преимуществомъ, мы больше обязаны вашей любви и снисхожденію къ намъ, нежели собственнымъ нашимъ достоинствамъ, которыя столь маловажны. Коль многіе изъ васъ имѣютъ, можетъ быть, болѣе права на сіе лестное отличіе! Щастливы будемъ, естьли по крайней мѣрѣ впредь докажемъ, что мы не совсѣмъ недостойны оказанной намъ чести! Доброе сердце внушаетъ вамъ стремленіе сдѣлаться намъ *подобными*, а насъ оживляетъ новою бодростію, чтобы сдѣлаться *достойными* вашей надежды, вашего подражанія. Здѣсь, предъ лицемъ Свидѣтелей знаменитыхъ, даемъ мы торжественный обѣтъ, употребить всѣ силы свои, чтобы быть первыми въ послушаніи Наставникамъ, въ соблюденіи порядка, въ любви къ добродѣтели.

N° 7.

Любезные товарищи!

Никогда еще не посѣщали сердца нашего толь сладкія чувства, какъ въ сіи достопамятныя для насъ минуты. Заслужить отличіе въ благонравіи, въ стремленіи къ добру, къ просвѣщенію; заслужить право первенства между вами, право, утвержденное собственнымъ признаніемъ

безпристрастныхъ, невинныхъ сердецъ вашихъ — не есть ли восхитительно, неоцѣненно? — Заслужить! . . . Нѣтъ, любезные товарищи! мы не заслужили толь лестнаго преимущества. Самая сія радость, самое сіе восхищеніе, которое вы читаете теперь въ глазахъ нашихъ, не есть ли уже слабость, малодушіе? Такъ, мы недостойны толь отличной оказанной намъ чести. Многіе изъ васъ имѣютъ, можетъ быть, гораздо болѣе права на то перенство, коимъ вы насъ почтили по одному снисхожденію, по одной своей къ намъ любви. Не мы васъ, вы сами себя побѣдили; и поднесенный вами вѣнокъ другимъ приличнѣе бы могъ украшать васъ самихъ. Мы слабы, неопытны, часто претыкаемся и падаемъ. Способности наши очень ограничены, достоинства малозначущи, поступки не такъ чисты и неукоризненны, чтобы можно было поставить ихъ въ образецъ подражанія; и естьли есть въ насъ что нибудь доброе, то можетъ быть единая готовность сдѣлаться нѣкогда прямо добрыми. Вотъ всѣ наши преимущества; вотъ единственное наше право на то драгоцѣнное для насъ первенство, коимъ вы насъ почтили. — Друзья любезные! при подножіи сихъ священныхъ для насъ *изображеній* (*),

(*) Здѣсь разумѣются портреты Гг. Кураторовъ.

поставленныхъ здѣсь пламенною нашею благодарностію, еще дерзаемъ мы повторить торжественный обѣтъ свой, что употребимъ всѣ силы: да сѣмя добра, лежащее въ груди нашей, произраститъ спасительные плоды свои; и тѣмъ потщимся доказать, сколь высоко цѣнимъ мы снисходительное ваше о себѣ мнѣніе, и сколь признательность наша чистосердечна. Щастливы, щастливы будемъ, естьли предохранимъ, кого нибудь изъ васъ, хотя отъ одного дурнаго поступка, влекущаго за собою горькія слѣдствія; естьли умножимъ хотя однимъ зерномъ его познанія; естьли приближимъ его, хотя на одинъ шагъ, къ добродѣтели.

Священная добродѣтель! не ты ли основаніе прямаго нашего щастія? не ты ли блюститель нашего спокойствія? не ты ли тотъ чистый, неизсякаемый источникъ, изъ коего почерпаемъ мы, всѣ истинныя свои наслажденія, всѣ радости, восторги, удовольствія? И блаженъ тотъ, кто исполняетъ священные твои уставы! Блаженъ тотъ, кто воинствуетъ подъ побѣдительнымъ знаменемъ твоимъ! Блаженъ! ибо никакія сопротивныя силы не поколеблютъ его, никакія бѣдствія и страданія не одолѣютъ. Душа его свѣтла и безмятежна, какъ покоящаяся при вечерѣ нива. Любезные товарищи! мы всѣ ищемъ пути къ щастію: онъ въ добро-

дѣтели. Я знаю васъ: вкругъ сердца вашего обращается кровь благородная, — и вы не можете не разумѣть меня; а сіе ваше вниманіе, сіи неподвижные взоры ваши, на меня устремленные, не показываютъ ли ясно, что вы жаждете заняться со мною, нѣсколько минутъ, симъ драгоцѣннымъ для всѣхъ насъ предметомъ. Повинуюсь, — и слабою, дрожащею кистью изображу вамъ нѣкоторыя черты добродѣтели, увѣренъ будучи, что сія картина дѣтской руки моей, не останется безъ дѣйствія.

Посмотрите на сего *Благодѣтеля человѣчества*, посмотрите: какъ толпятся вокругъ его нещастные, какъ устремляютъ на него слезящее око благодарности, какъ разцвѣтаетъ веселіемъ томное чело ихъ! — Это бѣдные, неимѣвшіе пристанища и получившіе покровъ, отъ благодѣтельной руки его. — Посмотрите: какъ взоры его чисты, божественны! На ланитѣ блеститъ слеза восхищенія; въ душѣ царствуетъ миръ и тишина. Онъ есть благотворное нѣкое существо, обитающее не въ рукотворномъ храмѣ, но въ скиніи сердецъ обязанныхъ. Здѣсь, въ семъ святилищѣ, поставленъ ему олтарь, на коемъ курится чистая, неугасаемая жертва благодарности, олтарь, котораго рука времени не сокрушитъ, и паденіе земли не поколеблетъ. Чистая, непороч-

ная совѣсть Друга человѣчества будетъ ему щитомъ противъ ударовъ ожесточеннаго рока, и украшеніемъ во дни щастія. Сонъ его есть сонъ Праведника; и хотя бы камень служилъ ему возглавіемъ, хотя бы колючій тернъ былъ ему одромъ: и тогда бы во всякой ранѣ его тѣла блистала роса душевнаго здравія.

Посмотрите на сего *Бѣднаго*, лишеннаго одежды, пищи, пристанища, но *богатаго* добрымъ сердцемъ; — посмотрите, съ какою твердостію покоряется онъ опредѣленіямъ судьбы! — Сердце его покойно, подобно ясному солнечному дню, когда ни одно облачко, не плаваетъ по лазури неба. Подъ соломеннымъ кровомъ своей хижины находитъ онъ то щастіе, коего Вельможа ищетъ въ своихъ чертогахъ, и не обрѣтаетъ. Кусокъ хлѣба, которой достаетъ онъ въ потѣ лица своего, сладостнѣе для него роскошной пищи сластолюбца. Сколь часто, съ душевнымъ умиленіемъ, преклонивъ колѣно, устремляетъ онъ взоры свои туда, гдѣ царствуетъ вѣчная Любовь, и говоритъ: „Я бѣденъ, я нещастенъ; но Ты благъ, Отецъ небесный! „Ты не оставишь меня — и наградишь мое „терпѣніе.“ — Такъ говоритъ онъ, и пламенная слеза, катящаяся изъ сердца его, не упадетъ на землю, но проникнетъ небеса

и принесется въ жертву Живущему на нихъ. Добродѣтельный человѣкъ твердъ въ нещастіи, непоколебимъ въ напастяхъ, и терпѣливо, безъ ропота, проводитъ бѣдственную жизнь свою . . . . Но можно ли назвать бѣдственною такую жизнь? Нѣтъ! — Пускай напыщенный богачь ступаетъ по златошвейнымъ коврамъ Персидскимъ; пускай стѣны чертоговъ его сіяютъ въ златѣ: злато сіе, многоцѣнныя исткания сіи — они помрачены вздохомъ угнетеннаго, кровію измученнаго раба. — Нѣтъ; съ чистымъ сердцемъ, съ тихою совѣстію, предпочту я сѣнистый лѣсъ мраморному дворцу, гдѣ всякой камень, представляющійся глазамъ моимъ, возмутитъ мою душу; гдѣ неумолимое раскаяніе, съ блѣднымъ лицемъ, съ тусклымъ взоромъ, будетъ слѣдовать по стопамъ моимъ. — Въ мирномъ убѣжищѣ простоты и невинности, въ тишинѣ лѣсовъ, съ подругою души своей, добродѣтелью, сооружу я изъ согбенныхъ вѣтвей чертогъ свой, и мягкой дернъ — будетъ моимъ престоломъ.

Посмотрите далѣе на сего *невинно* заключеннаго *Узника.* Мракъ темницы его объемлетъ; но свѣтильникъ добродѣтели ярко сіяетъ во глубинѣ души его. Клочекъ соломы служитъ ему горестнымъ одромъ, и тяжкія оковы обременяютъ его руки. Но взгляните на

лице его: какая небесная радость, какое величіе! Душа его спокойна, и сердце дремлетъ подъ щитомъ совѣсти. Онъ радуется, что скоро достигнетъ цѣли жизненнаго своего странствія; что скоро душа его, оставивъ бренную скинію тѣла, на легкихъ крыліяхъ будетъ протекать небесныя сферы, будетъ плѣняться восхитительною, невѣдомою для смертнаго слуха, гармоніею блаженныхъ Небожителей. Каждый звукъ цѣпей напоминаетъ ему теченіе минутъ, приближеніе торжества. Сердце его пламенѣетъ, душа исполняется умиленія, и онъ, въ восторгѣ, цѣлуетъ бременящія его узы. Когдажъ предстанетъ ему смерть и благодѣтельною рукою отверзетъ врата вѣчности; когда расторгнетъ, покрывающую глаза его, завѣсу, и укажетъ предлежащую ему судьбу: тогда, съ восторгомъ праведника, бросивъ во прахъ бренное свое покрывало, въ объятіяхъ ея, устремится онъ туда, въ оныя вѣчноцвѣтущія поля, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни злобы, ни мщенія, и гдѣ царствуетъ единая присноживая Любовь.

Посмотрите на сего *добраго*, *честнаго Поселянина*, окруженнаго многочисленнымъ семействомъ. Какъ онъ доволенъ! Желанія его умѣренны, и щастіе обитаетъ въ его хижинѣ. Съ пришествіемъ дня выходитъ онъ на дѣланіе свое, и съ бод-

ростію, съ удовольствіемъ, принимается за работу. Когдажъ силы его начнутъ слабѣть и востребуютъ подкрѣпленія, онъ возвращается домой; жена и дѣти встрѣчаютъ его, и съ нѣжностію пріемлютъ въ свои объятія. Умѣренный обѣдъ, приправленный дружествомъ и любовію, утоляетъ его голодъ; послѣ краткаго отдохновенія, снова принимается онъ за работу, и престаетъ трудиться тогда, когда солнце престаетъ освѣщать землю. Ночь наступаетъ; — сонъ его тихъ и кротокъ, и совѣсть, молчащая въ душѣ его, засыпаетъ съ нимъ вмѣстѣ. — Такъ проходитъ его день, такъ пройдетъ и жизнь его. Время рукою своею убѣлитъ власы его и покроетъ чело морщинами. Смерть, сія предвѣстница его блаженства, тихими шагами приближится къ нему, и онъ съ улыбкою непорочности, бросится въ ея объятія.

Посмотрите на сего *Героя*, на сего браннаго витязя. Преданность къ Государю, ревность къ службѣ, любовь къ славѣ, пламенѣютъ въ груди его. Отечество взываетъ къ нему: *спаси меня*! и онъ летитъ на поле брани; обнажитъ мечь, и необоримыя силы валятся. Громъ умолкъ, молнія потухла, Побѣда приноситъ свои лавры; но кого увѣнчаетъ она? гдѣ Герой нашъ? Онъ здѣсь, любезные товарищи, на сихъ развалинахъ, на сихъ

кучахъ пепельныхъ, на сихъ дымящихся кровію тѣлахъ; онъ здѣсь, и проливаетъ слезы. Да будетъ благословенно имя твое, витязь бранный! Сердце твое отверсто состраданію, ты скорбишь о человѣчествѣ, ты любишь добродѣтель. — —

Но кто изочтетъ лучи солнца — и кто исчислитъ красоты добродѣтели, кто исчислитъ спасительныя ея дѣйствія? О священная добродѣтель!

Сіяешь ты въ вертепахъ темныхъ;
И въ самыхъ пропастяхъ подземныхъ,
В егда свѣтла, мила, чиста.
Т бя вездѣ сопровождаютъ
Надежда, радость и покой;
Вселен у громы поражаютъ,
Но всюду благодать съ тобой.
Ты но ишь въ сердцѣ вѣчну радость,
Твоя стихія — миръ и сладость.
Блаженна жизнь, блаженъ твой сонъ.
Сады срѣтаешь въ дебряхъ райски,
Зимою дни вкушаешь Майски;
Твой манна хлѣбъ, твой холмикъ тронъ. —

Да будетъ тронъ ея и въ сердцахъ нашихъ, любезные товарищи! Что просвѣщеніе безъ добродѣтели? Мѣдь звѣнящая, кимвалъ бряцаяй, нечистый, заразительный источникъ. Просвѣщеніе и добродѣтель! – соединимъ ихъ неразрывнымъ союзомъ; да царствуютъ онѣ совокупно въ душахъ нашихъ. Къ сему дол-

стремиться всѣ мысли и дѣла наши. Сего ожидаетъ отъ насъ Отечество, ожидаютъ благотворные наши Попечители, которые въ награду за всю свою къ намъ нѣжность, за всю любовь, за всѣ труды, о насъ прилагаемые, ничего больше не желаютъ, какъ только видѣть насъ просвѣщенными, добрыми и прямо щасливыми. Безчисленны къ намъ ихъ благодѣянія; но дѣла ихъ, но добродѣтельный примѣръ ихъ есть то, что мы драгоцѣннѣйшаго отъ нихъ получили.

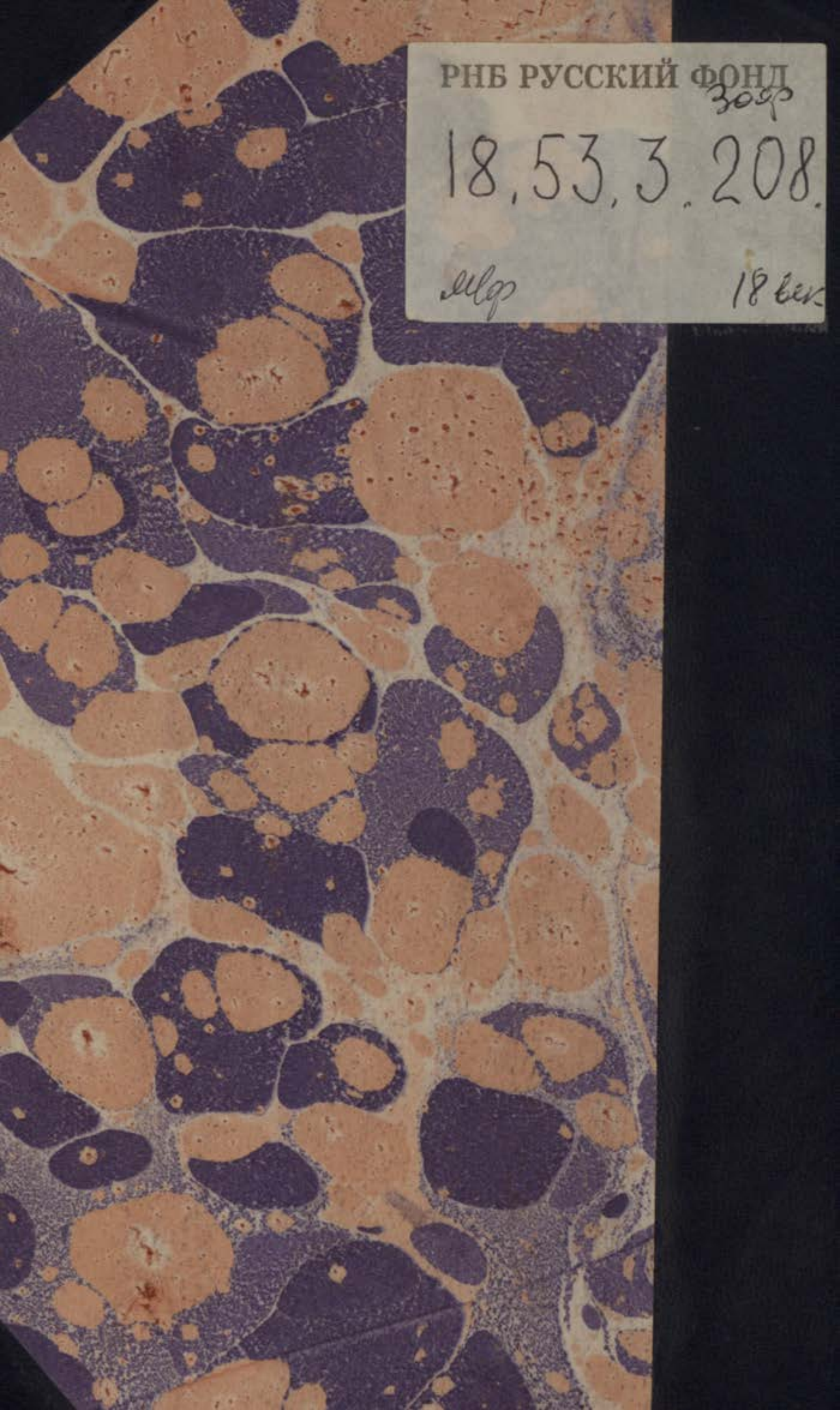
Воззрите на сіи изображенія. Се ликъ *Шувалова*! Грозная судьба похитила его отъ насъ; но — сердце еще бьется въ груди нашей, и Шуваловъ тамъ живетъ. Другъ человѣчества! ты достоинъ вѣнца безсмертія; и грядущіе, отдаленные вѣки, съ благоговѣніемъ повторятъ имя твое. — Се образъ *Мелиссина*! — Любезные товарищи! почто не можемъ мы повергнуться на гробъ его, на сіе вмѣстилище драгоцѣннаго для насъ праха! почто не можемъ окропить его своими слезами! Отъ нихъ возрасли бы на немъ цвѣты, и благоуханіемъ своимъ возвѣстили страннику: *Здѣсь почіетъ Покровитель Наукъ.* — Шуваловъ! Мелиссино! тѣни ваши можетъ быть носятся теперь надъ нами и улыбаются, видя любовь нашу. – Божественная улыбка! она побуждаетъ насъ слѣдовать по стопамъ

вашимъ, и естьли можно, вамъ уподобиться. Тѣни священныя! покойтесь въ селеніяхъ Праведныхъ; мы не возмутимъ тишины вашей уклоненіемъ отъ пути добродѣтели. *Херасковъ*, добрый, чувствительный, незабвенный Основатель сего благотворнаго мѣста, воспитанію Благородныхъ юношей посвященнаго, Херасковъ съ достопочтимыми своими *Сотрудниками* насъ руководствуетъ.

Питомцы толь Знаменитыхъ Мужей! потщимся заблаговременно пользоваться благодѣтельными поученіями, изъ устъ Наставниковъ нашихъ текущими. Время летитъ; и сѣмена мудрости и добродѣтели, насажденныя, во дни юности, въ умахъ и сердцахъ нашихъ, возрастутъ въ древо великое, коего плоды будемъ мы собирать и въ самой вѣчности.

РНБ РУССКИЙ ФОНД
18.53.3.208.
18 век